ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал

2012
XXI

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК

751

EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издается с 1992 года

Том XXI

Экспресс-выпуск • Express-issue

2012 № 751

СОДЕРЖАНИЕ

931-943 Пётр Симон Паллас (1741-1811). Г.П.ДЕМЕНТЬЕВ

943-946 Встречи серого сорокопута *Lanius excubitor* на юге и востоке Украины. С.Г.ВИТЕР

947-948 Материалы по экологии камышевок *Acrocephalus schoenobaenus* и *A. arundinaceus* в Харьковской области. А.С.НАДТОЧИЙ

949-951 Гнездование тугайного соловья *Cercotrichas galactotes* в национальном парке «Алтын-Эмель». Н.Н.БЕРЕЗОВИКОВ

951 Первое нахождение земляного дрозда *Zoothera dauma* в хребте Токсанбай (Джунгарский Алатау). А.Б.ЖДАНКО

Редактор и издатель А.В.Бардин

Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

© Русский орнитологический журнал, 2012
Дата опубликования: 25 апреля 2012

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XXI
Express-issue

2012 № 751

CONTENTS

931-943 Peter Simon Pallas (1741-1811). G.P.DEMENTIEV

943-946 The records of the great grey shrike *Lanius excubitor* in the south and east of Ukraine. S.G.VITER

947-948 Materials on ecology of *Acrocephalus schoenobaenus* and *A. arundinaceus* in the Kharkov Oblast. A.S.NADTOCHY

949-951 Breeding of the rufous bush robin *Cercotrichas galactotes* in the national park «Altyn-Emel». N.N.BEREZOVIKOV

951 First registration of the scaly thrush *Zoothera dauma* in the ridge Toksanbay (Jungar Alatau). A.B.ZHDANKO

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S.-Petersburg University
S-Petersburg 199034 Russia

© The Russian Journal of Ornithology, 2012

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск **751**: 931-943*

Пётр Симон Паллас (1741-1811)

Г.П.Дементьев

*Второе издание. Первая публикация в 1963**

Академик Пётр Симон Паллас был одним из самых выдающихся естествоиспытателей XVIII века, крупнейшим исследователем природы России. Как отмечали его биографы, в ряду своих современников он по праву занимает место наравне с Линнеем и Бюффоном.

Пётр Симон Паллас (1741-1811)

Н.А.Северцов – замечательный русский зоолог XIX столетия, по справедливости считающийся одним из основателей экологического направления в биологии, в предисловии к своей известной книге «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии» (1855) высказал ряд соображений о роли П.С.Палласа в развитии зоологии. Он отмечал, что постановка сравнительно-анатомических исследований, в частности для решения таксономических вопросов обычно связывается с именем Кювье. На самом же деле использование анатомических «признаков» введено в науку в целях классификации раньше Кювье; «это была заслуга неизбежного Палласа». «Мы называем его неизбежным,– продолжал Северцов,– потому что нет отрасли естественных наук, в которой он не проложил нового пути, не

* Дементьев Г.П. 1963. Пётр Симон Паллас (1741-1811) // *Люди русской науки: Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. Биология, медицина, сельскохозяйственные науки*. М.: 34-44.

оставил бы гениального образца для последовавших за ним исследователей». Действительно, в книге «Зоография Россо-Азиатика» и в других зоологических сочинениях, например в «Novae Species Quadrupedum e Glirium Ordine», П.С.Паллас заложил прочные основы использования в систематике сравнительно-анатомических материалов. Н.А.Северцов далее справедливо отмечает, что по сравнению с Бюффоном, «необыкновенною точностью и дельностью отличаются наблюдения Палласа, из которых для нас особенно замечательны исследования о русских животных, в его бессмертной Зоографии. Для всех общих выводов о фауне России и Сибири эта книга и теперь даёт основные, превосходно обработанные, незаменимые материалы. Не менее Бюффона обращая внимание на нравы животных, Паллас сам наблюдал их, но сверх того не отвергал систематику, а первый, прежде Кювье, составил естественную классификацию позвоночных и первый с поразительной верностью взгляда отличил климатические видоизменения от видов». И далее: «Паллас исследовал это влияние (тут речь идёт о «влиянии внешних условий на животную жизнь») сколько мог, потому что, кроме зоологии и ботаники, этот многосторонний гений чуть ли не более всех своих современников занимался исследованием климатологии и физической географии. Здесь он оправдал своё прозвание Соссюра в России и был достойным предшественником Гумбольдта, как он был предшественником Кювье относительно естественной классификации и сравнительной анатомии, предшественником Клапрота для азиатской этнографии и лингвистики; но везде и всюду он проложил новые пути для науки и подал пример неслыханной до него точности в научной обработке собранных материалов. По своей многосторонности Паллас напоминает энциклопедических учёных древности и средних веков; по точности и положительности это учёный современный, а не 18 века, и как ни велика его учёная слава, она всё ещё не может сравняться с его заслугами для науки».

Эта оценка деятельности П.С.Палласа была высказана через полвека после его смерти. Прошло ещё сто лет, но справедливость этой оценки мы должны признать и теперь, учитывая, конечно, что за это время естествознание получило огромное развитие и что часть научного наследия П.С.Палласа имеет ныне уже только историческое значение. Но и последнее представляет большой интерес, так как материал, собранный, обработанный и опубликованный им, хорошо отражает состояние природы России в XVIII веке, что существенно и поучительно в ряде отношений, например биогеографическом или для решения ряда насущных вопросов дела охраны природы и рационального использования природных ресурсов нашей страны.

Пётр Симон Паллас родился в Берлине 3 октября 1741 года и умер там же 19 сентября 1811 года. Но его научная деятельность протекала

главным образом в России, куда он приехал, когда ему было 26 лет, и где он прожил и проработал более сорока лет. Россия стала поистине второй родиной Палласа. Богатство и разнообразие русской природы дало огромный и свежий материал для научных трудов П.С.Палласа, именно в России были созданы им те его труды, которые обессмертили его имя.

Отец Палласа, немец по национальности, был медиком. Он получил хорошее образование в Париже; затем работал в Германии в качестве военного хирурга, а впоследствии был профессором в Берлинской медико-хирургической академии, в известном и ныне существующем госпитале «Шаритэ»; он опубликовал ряд трудов по анатомии и хирургии. Отец Палласа хотел, чтобы и его сын стал медиком. Мать Палласа – Сюзанна Леонард была француженкой. Она происходила из переселившейся в Германию семьи гугенотов.

Первоначальное обучение П.С.Палласа, как обычно в те времена, было домашним. За это время молодой Паллас изучил основательно иностранные языки – английский, французский, латинский, греческий. Тогда же у него обнаружился интерес к зоологии. Сначала он заинтересовался насекомыми и птицами.

Очень рано – Палласу было только 13 лет – началась его студенческая жизнь. В 1754-1758 годах он слушал лекции в Берлинской медико-хирургической академии, где его отец был профессором. Среди преподавателей Академии был и знаменитый анатом Меккель, в значительной мере определивший интерес молодого Палласа к проблемам морфологии.

В 1758 году П.С.Паллас перешёл в университет в Галле, где обратил особое внимание на изучение физики и математики. После года обучения в Галле, в 1759 году, молодой Паллас опять вернулся в Берлин, а оттуда переехал в Геттингенский университет. Свое образование П.С.Паллас закончил уже в Голландии, в Лейденском университете, где в декабре 1760 года защитил диссертацию на степень доктора медицины. Диссертация Палласа была посвящена изучению паразитических червей. В этой работе 19-летний Паллас проявил себя как биолог широкого профиля и как замечательный систематик. Он внёс ряд существенных исправлений в линнеевскую систему. В Лейдене Паллас много занимался в музеях – кабинеты «натуральной истории» в те времена процветали в Голландии. Летом 1761 года он совершил поездку в Англию. Под влиянием отца П.С.Паллас занимался во время этой поездки медициной и, вероятно по собственному влечению, знакомился с естественноисторическими коллекциями. В 1762 году он возвратился в Берлин и прожил там почти год, сопротивляясь требованиям своего отца заняться медицинской профессией. А потом опять поехал в Голландию и обосновался в Гааге. Несмотря на молодость

П.С.Палласа, в научных кругах он уже был известен. В 1763 году он был избран членом «Английского учёного собрания» (Королевского общества, т.е. английской Академии наук) и Императорской Римской Академии естествоиспытателей (старейшей в Европе Академии, ныне Леопольдина-Каролина).

В течение трёхлетнего пребывания в Гааге П.С.Паллас опубликовал свои первые большие работы, среди них сборник «Miscellanea Zoologica» (в последующие годы преобразованный в «Spicilegia Zoologica») и монография «Elenchus Zoophytorum». Из Голландии П.С.Паллас вернулся в Берлин. А затем он получил приглашение на службу в Россию, приведшее к перелому в его жизни и работе.

Большие экспедиции для изучения природы России были задуманы ещё Петром I. Особенно успешными такие экспедиции были в третьей четверти XVIII века. В 1769 году должно было иметь место прохождение Венеры через солнечный диск и в связи с этим был намечен целый ряд поездок для проведения соответствующих астрономических наблюдений. Было решено также придать экспедициям широкий, как теперь говорят – комплексный, характер с тем, чтобы поставить их целью возможно полное и повсеместное изучение природы России. Для участия в экспедиции был приглашён ряд иностранных учёных.

В этой связи необходимо сделать одно замечание. В различных работах по истории естествознания – не только зарубежных, но и отечественных, особенно в прежние годы, нередко можно было встретить утверждение, что изучение фауны нашей страны и зоология в целом стали развиваться на основе «импорта» из-за границы иностранных учёных. Ссылаются при этом на участников больших экспедиций XVIII века – Гмелина Старшего, Гмелина Младшего, Стеллера, Георги, Палласа и других.

Ни в коей мере не принижая несомненных заслуг работавших в России учёных иностранного происхождения, всё же следует признать, что они никак не могут считаться пионерами научного исследования нашей страны. Как правильно писал историк А.П.Щапов: «Если бы не было этих предварительных открытий в Сибири и на Ледовитом океане (имеются в виду исследования старых русских землепроходцев.– *Авт.*), не было бы быть может и всех этих знаменитых учёных экспедиций XVIII века». Создание Петербургской Академии наук и участие в её деятельности иностранцев было не началом, а определённым этапом изучения природы России. Уже к концу XVII –началу XVIII века в России накопились весьма значительные и важные сведения о животном мире и о природе вообще. И преобразовательная деятельность Петра I не создала в этом отношении чего-то нового с принципиальной точки зрения, но привела к систематизации, подытоживанию и расширению прежних исследований.

В качестве примера полезно привести извлечение из инструкций для Великой северной экспедиции, составленной, по-видимому, Татищевым в 1732 году для Академии наук: «Профессор истории естественные долженствует в совершенство привести историю естественную, которая тройственное в себе содержит преимущество; также и анатомию зверей, которые в пути случатся, сколько окрестности допустят, делати и наблюдения метеорологические чинити, уставы веры тамошних людей, обычай, платье, языки, древности и письмена примечати и записывати. Сему надобно два студента, которые естественную историю чтобы нарочито знали и число наблюдений прибавляли бы или в нужном случае вместо его (профессора) дело править могли бы. Их же купно должность да будет, сколько птиц или рыб или зверей соблюсти можно, чтобы соблюдали и в свое время в Россию привезли бы, дабы учинённые наблюдения подлинными образами подтвердилися. А понеже всего соблюсти невозможно и для того утробу, например, в зверях имеющуюся, травы же и проспекты, стран, рек и разных вещей примечания достойных на бумаге изображать должно, надобно, чтобы был доброй рисовальщик, весьма искусный в своем художестве, а ему подчинены были бы один или два, которые хотя начатки только в пиктуре или малярстве возымели, от которых надеяться можно, что потом в практике обучатся, такого впредь художества навыкнут, по которому в нужном случае на место рисовальщика произведены быть могут. Ещё прибавлен быть может, что в таких посылках обычно есть и охотник или ловец, дабы как возможно способнее доставить птиц и зверей, и для вышеупомянутых причин придать ему одного или двух охотничьих служителей». Аналогичная инструкция (в несколько иной, изменённой графом Орловым редакции) была дана Академией наук и П.С.Палласу, и другим участникам экспедиций второй половины XVIII века. Из этого любопытного документа видно, что уже тогда русские научные экспедиции обставлялись весьма широко, со штатом не только учёных, но и рисовальщиков, и коллекторов-препараторов. В западно-европейских странах в те времена дело обстояло не так.

По рекомендации лейпцигского профессора Людвига Петербургская Академия наук пригласила П.С.Палласа в качестве адъюнкта Академии и профессора натуральной истории. В результате переписки между академиком Штелином и Палласом условия были изменены, он был избран ординарным членом Академии и весной 1767 года П.С.Паллас прибыл в Петербург.

После необходимой подготовки в июне 1768 года П.С.Паллас выехал в экспедицию. Его сопровождала жена и студенты Петербургской Академии Вальтер, Зуев и Соколов, рисовальщик Дмитриев, «набивальщик чучел» Шумский. В 1771 году в Челябинске к Палласу присоединились новые помощники: капитан Рычков, аптекарь Георги,

студенты Быков, Кашкарев и Лебедев. Работа экспедиции шла очень напряжённо и всё тёплое время года участники её проводили в полевой обстановке. Экспедиция П.С.Палласа и его спутников охватила обширные территории. Из Петербурга двинулись на Москву, оттуда через города Владимир, Касимов, Пензу, Ставрополь в Симбирск, где зазимовали. Зимние месяцы посвящены были приведению в порядок материалов и дневников. В 1769 году весной двинулись на Самару, Сызрань, Оренбург, оттуда в Башкирию. Вторая зимовка была в Уфе. Из Уфы экспедиция направилась в Челябинск, откуда производились разъезды по Приуралью и Западной Сибири – в Екатеринбург и до Тюмени и Тобольска. Зимовали в Челябинске. В 1771 году маршрут охватил Омск, Семипалатинск, Барнаул, Томск и Ачинск, откуда прибыли на зимовку в Красноярск. 1772 год посвящён был дальнейшему движению на восток – через Иркутск, на Байкал и в Забайкалье, на Кяхту, на Читу и до Китайских границ. Из Забайкалья вернулись зимовать в Красноярск. В 1773 году начался обратный путь, но по иному маршруту – через Томск, Тару, Сарапул, на Бузулук, в Заволжье, в Уральск и на Царицын.

В 1774 году из Царицына сделан разъезд на Ахтубу, на озёра Эльтон, Баскунчак и к Богдо. С Волги Паллас через Тамбов и Москву поехал в Петербург, куда и прибыл после шестилетнего отсутствия в конце июля 1774 года. Ход экспедиции был очень напряжённым – Паллас жаловался, что масштабы работы всегда заставляли его спешить. Уже из экспедиции он посылал в Петербург материалы и дневники, начало опубликования которых относится ещё ко времени его поездки. Результатом явилось известное сочинение «Путешествие по разным провинциям Российской Империи», изданное в трёх частях первоначально на немецком (1771-1776), а затем на русском (1773-1788) языке, позже оно дважды издавалось на французском языке и один раз на итальянском.

Российские академические экспедиции второй половины XVIII века не сводились, как известно, к путешествию Палласа и его сотрудников. В них по другим маршрутам приняли участие многие натуралисты, астрономы и геометры. Из натуралистов следует упомянуть Лепёхина, Фалька, Георги, Гмелина Младшего, Габлицля, Гюльденштетда. Экспедиции охватили север России (Лепёхин), южные её части (Зуев), нынешний Казахстан (Рычков, Фальк, Георги), Прикаспийские местности, Кавказ и Северный Иран (Гмелин Младший, Габлицль), Азовское море, бассейн Дона, Кавказ (Гульденштетд и т.д.). Несмотря на хорошую организацию, в XVIII веке проведение экспедиций было связано с большими трудностями, даже опасностями. П.С.Паллас, по свидетельству современников, вернулся из экспедиции седым (а ему было только 33 года). В Красноярске он заболел тяжёлой формой дизентерии.

Другие вовсе не вернулись. Препаратор Палласа Шумский умер в Омске. Фальк в результате болезни в припадке меланхолии покончил самоубийством. Гмелин Младший на обратном пути из Ирана попал в Дагестане в руки Хайтыцкого хана и умер в плену, а большинство его спутников погибли от малярии или других болезней.

Можно сказать, что в результате русских экспедиций XVIII века природа нашей страны стала изученной лучше, чем природа других европейских стран. Как писал академик К.М.Бэр, исследования в России «обогатили науку и сделали возможным сразу обозревать распространение большей части органических существ. Теперь можно было с картою в руках читать эти путешествия, причём сама собою выступала ясно картина географического распространения животных и растений. Едва поэтому вышел в свет Третий том путешествий Палласа, как явилось сочинение Циммермана (в 1777 году) «О географическом распределении четвероногих».

После возвращения П.С.Палласа из путешествия начался двадцатилетний петербургский период его жизни, закончившийся поездкой в 1793-1794 годах в Поволжье, на Северный Кавказ и Крым, а затем в 1795 году переездом в Крым, где Паллас прожил до 1810 года.

В петербургский период П.С.Паллас интенсивно трудился над обработкой, систематизацией и обобщением огромного и разнообразного материала, собранного им во время своего путешествия. В это время им были подготовлены и изданы многие из его замечательных трудов. Было закончено издание путевых дневников его путешествия 1768-1774 годов. В этой книге – «Путешествие по различным провинциям Российской империи» – Паллас систематизировал собранные сведения о животном и растительном мире, географических условиях, хозяйстве, промыслах и т.д. значительной части Европейской и Азиатской России. Помимо личных наблюдений он использовал в ней сведения, сообщённые его предшественниками, а также материалы, собранные его спутниками, в частности, В.Ф.Зуевым и Н.П.Соколовым. В ней было подробно описано более 250 видов животных, из них 60 видов птиц, 21 вид млекопитающих, 18 видов рыб и более 100 видов насекомых. Не ограничиваясь описанием наружного строения животных, П.С.Паллас впервые сообщил ценные сведения о географическом распространении и образе жизни (условиях обитания, питании, поведении) многих животных. В этом отношении его книга сильно отличалась от распространённого тогда типа зоологических сочинений, содержавших лишь перечень видов и описание их наружных признаков. Ещё в большей степени это выразилось в его замечательной монографии о грызунах, вышедшей в 1778 году. Помимо описания их внешнего вида и анатомического строения, она содержала достоверное описание образа жизни различных видов грызунов, приводились даже некоторые сведения

по физиологии, в частности о температуре тела грызунов во время зимней спячки, основанные на данных личных опытов, проведённых П.С.Палласом. К этому же времени относятся его статьи об открытом им и неизвестном прежде диком представителе рода лошадей – джигетае, о новом виде кошки. В те же годы им были начаты описание жуков Европейской России и Сибири (вышло четыре выпуска) и обработка ботанических сборов экспедиции. В 1780 году он выпускает монографию рода астрагалов – растений, весьма распространённых в юго-восточной России и Сибири. В ней было описано более 100 видов астрагалов, причём более половины из них были описаны впервые.

Вслед за этой работой, в которой выдающийся зоолог проявил себя первоклассным ботаником, П.С.Паллас, опираясь на собственные сборы и коллекции своих предшественников, начинает подготовку «Флоры России» – общей сводки всех растений Европейской и Азиатской России. Этот обширный труд, требовавший изготовления около 700 таблиц и печатавшийся на средства, отпущенные Екатериной II, не мог быть завершён. Палласу удалось издать два выпуска, содержавших описание 283 видов древесных пород и 100 таблиц рисунков, и это был уже крупный шаг к созданию общей сводки растительного мира России. Первый выпуск этого труда был переведён на русский язык В.Ф.Зуевым с немецкой рукописи и вышел в свет в 1786 году под названием «Описание растений Российского государства с их изображениями».

Помимо многочисленных статей и работ по географии, этнографии, истории, сравнительной филологии и другим вопросам к этому периоду относятся две речи П.С.Палласа в торжественном собрании Петербургской Академии наук, опубликованные затем в её «Трудах» («Acta Acad. Sci. Petropolitanae») и получившие мировую известность.

В первой речи «Наблюдения над образованием гор и над изменениями, происшедшими на земном шаре, в частности, в отношении Российской империи», опубликованной в 1777 году, П.С.Паллас сформулировал оригинальную теорию образования гор и развития Земли. По словам Кювье, эта работа Палласа «заложила основание всей новейшей геологии». Вряд ли можно согласиться со столь высокой оценкой, хотя она и исходит от корифея науки, работавшего в близкой области. Однако роль в истории мировой геологической мысли идей, развитых Палласом, несомненна. П.С.Паллас высказал мысль, что граниты, составляющие ядро гор, некогда были островами, на основании которых постепенно откладывались кристаллические породы. Впоследствии эти круто падающие толщи были покрыты слоями глинистых сланцев и известняков с органическими осадками, отложившимися из морской воды, которые, разлагаясь, привели к образованию колчеданов. Возгорание последних послужило причиной вулканических извержений, вызвавших огромные смещения и поднятия древних слоёв. Прогрес-

сивное значение теории Палласа состояло в допущении огромной длительности геологических периодов и в признании важной роли в изменении земной поверхности как вулканической деятельности, так и действия воды, выветривания, температуры и т.п.

Вторая речь П.С.Палласа, опубликованная в 1780 году и получившая такую же широкую известность в мировой науке, как и предыдущая, касалась вопроса об изменчивости животных.

Взгляды П.С.Палласа на эволюцию животных были противоречивы и изменялись на протяжении его жизни. Это послужило причиной противоречивых оценок его роли в этой области.

В начале своей научной деятельности он допускал мысль о единстве происхождения и историческом развитии органического мира. Это нашло отражение в его книге «Elenchus zoophytorum» (1766) и статье «Описание циклопического поросёнка с рылом, подобным слоновому хоботу» (1772). В упомянутой статье он писал, например: «Имеются известные отклонения в строении многих животных, которые всегда повторяются на один и тот же лад и образуют родственные виды и из которых в течение столетий, через длинный ряд поколений, пожалуй, действительно, могли образоваться различные виды. Так что весьма вероятно, что многие близкородственные виды, наблюдаемые нами ныне в животном и растительном царствах, могли иметь именно такое происхождение». В «Elenchus zoophytorum» Паллас предложил первую известную нам древовидную схему органического мира.

В 1780 году П.С.Паллас изменил свои позиции и выступил против признания эволюции. «Все виды, которые мы различаем и знаем, возникли в одно общее время»,– говорил он. Он решительно возражал против доводов Бюффона о влиянии пищи, климата и образа жизни на изменение видов, считая, что изменения, приобретённые под воздействием этих факторов, нестойки и исчезают как только перестают действовать вызвавшие их причины, а следовательно, не могут привести к изменению видов. Он возражал также против мнения, которого в конце своей научной деятельности придерживался Линней, что виды могли изменяться в результате гибридизации, скрещивания различных форм в естественных условиях.

Было бы, однако, неправильным на этом основании отвергать какую бы то ни было роль П.С.Палласа в развитии эволюционной идеи. Известно, что Ч.Дарвин с большим вниманием относился к работам Палласа и очень ценил их. Не говоря уже о том, что Паллас в своих зоологических, ботанических и геологических исследованиях впервые описал большое количество фактов, которые послужили впоследствии для обоснования идеи исторического развития природы, он выдвинул ряд положений и дал толчок развитию многих проблем, имевших первостепенное значение для теории эволюции. Здесь прежде всего нужно

отметить развитие им новых подходов, методик в области систематики. А систематика, таксономия есть, конечно, результат эволюционных исследований, но с другой стороны – их основа, фундамент. Важным вкладом П.С.Палласа в развитие систематики было широкое применение им сравнительно-анатомического метода при определении места в системе тех или иных форм. Ещё К.Ф.Рулье отмечал, что закон соотношения частей в организме (закон корреляций), открытие которого, как писал К.Ф.Рулье, «несправедливо приписывают Кювье», применялся Палласом задолго до того, как он был сформулирован Кювье. В связи с выяснением вопроса о гибридизации животных, Паллас в сущности впервые заложил основы изучения и применения в систематике физиологического критерия вида.

Были у него и наблюдения, свидетельствующие о половом отборе,– «самки предпочитают всегда самцов сильных и красивых». Любопытны соображения П.С.Палласа о полифилетическом происхождении некоторых домашних животных – собак и овец. Наконец, Паллас сыграл выдающуюся роль в развитии зоогеографии, имевшей, как известно, огромное значение для доказательства эволюции.

Помимо большой научной работы, П.С.Паллас в петербургский период своей жизни много сил отдавал научно-организационной деятельности. Он участвовал в работе Академии наук, с 1774 года был членом Топографического комитета, кроме того, был историографом Адмиралтейской коллегии, членом Вольного экономического общества. На него были возложены обязанности по преподаванию естественных наук внукам Екатерины II, загружавшей учёного своими поручениями, которые привязывали его к царскому двору. Видимо, эта обстановка к 1790-м годам начала тяготить учёного и он стал задумываться над тем, чтобы найти возможность сосредоточиться на завершении своих научных трудов и в первую очередь начатого им главного зоологического труда «Зоографии».

В 1793 году П.С.Паллас отправился в своё второе большое путешествие. Он выехал из Петербурга в Москву, оттуда двинулся через Пензу на Царицын и Астрахань, проехал по Предкавказью и через Новочеркасск, Таганрог и Мариуполь прибыл в Крым. В следующем, 1794 году он посетил степные части Крымского полуострова и южный берег, откуда вернулся в Петербург. Сразу после возвращения он испросил разрешение императрицы Екатерины II навсегда поселиться в Крыму. Ему были пожалованы значительные земли в Шуле и Судаке, дом в Симферополе и 10000 рублей на обзаведение. Покидая Петербург П.С.Паллас, вероятно, рассчитывал получить необходимое уединение для завершения своих обобщающих трудов, в первую очередь «Зоографии». Причиной переезда могло быть также плохое состояние здоровья. В результате заболеваний, перенесённых им при первом путешествии

(заболевание кишечника, конъюнктивит), здоровье Палласа очень расстроилось. Во время второго путешествия он также серьёзно болел. Поэтому он решил отказаться от дальнейших экспедиций и сосредоточить своё внимание на обработке собранных фактов и наблюдений, в первую очередь на полном описании фауны Европейской и Азиатской России. В Крыму Паллас прожил с 1795 до 1810 год.

Здесь Палласом было составлено описание своего путешествия по Поволжью, Северному Кавказу и Крыму. Оно вышло в свет в 1799-1801 годах на немецком языке в двух томах, составлявших более тысячи страниц, почти одновременно появилось французское, а затем английское издание этой книги.

Вслед за этим он приступил к завершению своего главного труда – «Зоографии».

«Зоография», как отмечал П.С.Паллас в своём предисловии, представляет собою плод тридцатилетней работы. В ней описывается 151 вид млекопитающих, 425 видов птиц, 11 видов амфибий, 41 вид рептилий, 240 видов рыб. До XX столетия это была единственная сводка всех позвоночных России. А по научному уровню, богатству фактического материала она не имела себе подобных в других странах. Можно отметить, что кроме описания животных (причём многие из них были описаны впервые), их распространения П.С.Паллас в сжатой, лапидарной форме даёт и сведения по их биологии. В этом отношении Паллас был новатором, объединившим методику подачи материала Линнея и Бюффона. В основу изложения П.С.Паллас кладёт систему Линнея. Интересны его возражения против излишнего дробления родов и видов. В книге приводится ряд общих соображений зоогеографического характера: подчеркивается значение «енисейской» границы между фаунами Западной и Восточной Сибири; уделяется внимание биотопическому распределению животных, их сезонному размещению и миграциям. По возможности освещаются и практические аспекты изучения фауны, роль диких животных в экономике, медицине и т.д. Интересны сведения по охоте. Много материалов сообщается – по оригинальным исследованиям Палласа – по анатомии отдельных видов, иногда даже по физиологии. Содержатся сведения о периодичности в жизни животных, о связи её с климатом. Словом, книга П.С.Палласа была в своё время универсальным источником сведений по фауне позвоночных России и долгое время оставалась не превзойдённой. Сохранила она свое значение и сейчас, как сводка о состоянии животного мира России во второй половине XVIII века.

Издание этого труда П.С.Палласа сильно задержалось, и это, видимо, доставило ему большие огорчения. Рукопись первого тома, содержавшего описания птиц и млекопитающих, была переслана им в Петербург в 1806 году. В 1809 году она была напечатана. Однако книга

не могла быть выпущена в свет без рисунков. По желанию Палласа рисунки должен был гравировать на меди художник Гейслер, участник южнорусского путешествия Палласа, живший в Лейпциге. Учитывая возможные неудобства, Академия предлагала П.С.Палласу готовить таблицы к «Зоографии» в Петербурге, но Паллас настаивал на своём. Ещё в 1806 году были подготовлены изображения млекопитающих и рыб – всего 121 таблица. В том же году они были пересланы Гейслеру, но он до 1809 года не приступал к работе.

П.С.Паллас решил переехать в Германию и заняться ускорением печатания рисунков. На его решение сильно повлияло и то, что в Крыму здоровье его не поправлялось, в добавление к прежним заболеваниям он захворал малярией. Не получил он там и желаемого покоя. Много сил отнимали заботы о хозяйстве, кроме того, у него возникла длительная тяжба из-за земли с местным татарским населением. В 1810 году он уехал в Берлин.

Перед отъездом он переслал в Петербург рукопись третьего тома, посвященного «хладнокровным» позвоночным. Однако П.С.Палласу так и не удалось увидеть изданным свой замечательный труд.

19 сентября 1811 года он скончался в Берлине.

Петербургская Академия наук предпринимала много усилий к тому, чтобы «Зоография» увидела поскорее свет. В 1811 году были отпечатаны два первых тома, а в 1814 году третий, и книга стала доступной для учёных. Но рисунки по вине Гейслера так и не были готовы, и потому тираж не был пущен в широкую продажу.

Мы коснулись работ П.С.Палласа и их роли главным образом в области зоологии. Но рождённый в век энциклопедистов, Паллас и сам принадлежал к их плеяде. Его литературное наследие составляет примерно 100 работ, многие из которых стали классическими. В них освещались вопросы зоологии, ботаники, палеонтологии, медицины, сельского хозяйства, геологии, географии, этнографии, истории и филологии. Отношение к ним современников видно из того, что многие из них неоднократно издавались на разных европейских языках. В работах Палласа внимание его современников привлекало и огромное количество содержащихся в них новых фактов, и строгое соответствие выводов фактическому материалу, и независимость суждений.

Главнейшие труды П.С.Палласа: Elenchus Zoophytorum, Hagae Comitum, 1766 (голландский перевод 1768, немецкий – 1787); Berschreibung eines cyclopischen Spanferkels mit einem elephantenähnlichen Rüssel, «Stralsunder Magazin», 1772; Reise durch verschiedenen Provinzen des Russischen Reichs, St.-Petersburg, 1771-1774. По-русски – Путешествие по разным провинциям Российской империи (3 ч. в 5 томах), СПб., 1773-1788 (французский перевод 1778-1798, итальянский – 1816); Observations sur la formation des montagnes et sur les changements arrives au Globe, «Acta Acad. Sci. Petropol.», P. 1, 1777; Novae Species Quadrupedum e Glirium Ordine, Erlangen, 1778; Species Astragalorum, Lipsiae, 1780; 99 таблиц Mémoire sur la variation des animaux, «Acta Acad. Caes. Sci. Petropol.»,

т. 4, ч. 2, 1780; Icones insectorum praecipue Rossiae Sibiriaeque peculiarium, Erlangen, 1781-1783-1806; О Российских открытиях на морях между Азиею и Америкой, «Месяцеслов исторический и географический на 1781» (немецкий перевод 1782, датский – 1784); Flora Rossia, seu stirpium Imperii Rossici per Europam et Asiam Indigenarum descristiones et icons, т. 1, в двух выпусках, 1784-1788 (русский перевод: Описание растений Российского государства с их изображениями, т. 1, СПб., 1786); Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794, т. 1-2, Leipzig, 1799-1801, 2-е изд., 1803, переводы на французский, английский, извлечение на русском языке, 1881-1883; Zoographia Rosso-Asiatica, Petropoli, т. 1-2, 1811, т. 3, 1814.

О П.С.Палласе: Маракуев В., Пётр Симон Паллас, его жизнь, учёные труды и путешествия, М., 1877; Белоусов В.В., Паллас – путешественник и геолог, «Природа», № 3, 1941; Берг Л.С., Очерки по истории русских географических открытий, 2-е изд., М.-Л., 1949; Райков Б.Е., Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционной идеи в России, т. 1, М.-Л., 1952 (имеется библиография); История естествознания в России, т.1, ч. 1, М., 1957.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск **751**: 943-946*

Встречи серого сорокопута *Lanius excubitor* на юге и востоке Украины

С.Г.Витер

Станислав Геннадьевич Витер. Национальный природный парк «Гомольшанские леса».
E-mail: Elbasan-Viter@mail.ru

Поступила в редакцию 19 апреля 2012

Детали распространения и сам факт присутствия на гнездовании на Украине так называемого «степного» подвида серого сорокопута *Lanius excubitor homeyeri* Cabanis 1873 остаются невыясненными и сами по себе спорными. В первой половине XX века этот подвид указан в статусе гнездящегося для степных районов Полтавской равнины (Гавриленко 1929). В более поздних работах указания на гнездование вида в степных районах Украины отсутствуют (Зубаровський 1977; Фесенко, Бокотей 2002).

В 2010 году нами впервые зарегистрировано гнездование серого сорокопута в степных районах Левобережной Украины. 4 августа пара птиц с двумя плохо летающими слётками отмечена на участке целинной луговой степи на границе 4-й и 5-й террас долины Северского Донца, в окрестностях села Благодатное (Змиевский район, Харьковская область). Птицы держались среди кустарниковых ивовых зарослей в обширном влажном понижении (поде) посреди степи. Там же в глубине ивового куста найдено гнездо, расположенное на высоте около 2 м

от поверхности земли. Некоторые особенности окраски наблюдавшихся особей – очень светлый верх, хорошо развитые светлые партии кроющих крыла сверху, большие белые «зеркальца» на крыльях и сильное развитие белого цвета на маховых (не менее 50% поверхности) позволяют предположительно отнести их к подвиду *homeyeri*. К сожалению, сделать качественную фотографию птиц не удалось.

Проверка участка 25-26 апреля 2011 не принесла положительных результатов. В августе 2011 года нами посещены некоторые степные участки на юге Донецкой области, Приазовье в Запорожской области, Степной Крым (юго-западное Присивашье, южная часть Арабатской стрелки и «основание» Керченского полуострова). 12 августа выводок серых сорокопутов (не менее 3 молодых) и пару взрослых особей наблюдали в долине реки Кальмиус между сёлами Староласпа и Гранитное (Тельмановский район). Взрослые птицы докармливали слётков, которые держались на большом кусте бузины, растущей с края гранитной «плиты», образующей берег реки. Местность представляет собой петрофитную типчаково-ковыльно-полынную степь на выходах гранитов с участками скал, завалами валунов, зарослями кустарников (бузина, шиповник, тёрн) по распадкам между скал и вдоль русла реки. Гнездо было расположено в кусте бузины (в глубине куста) на противоположном берегу реки и детально обследовать его не удалось. Дальнейшее изучение сделанных фотографий взрослых птиц и их анализ В.А.Паевским и В.М.Лоскотом (Зоологический институт РАН) позволили сделать заключение о принадлежности наблюдаемых птиц к подвиду *homeyeri*. Среди добычи сорокопутов отмечены крупные саранчовые, мышевидные грызуны и прыткие ящерицы.

16 августа 2011 одиночного взрослого серого сорокопута наблюдали в лесополосе среди полей в 2 км в северо-востоку от села Набережное Приморского района Запорожской области. Местность представляет собой плоскую приморскую низменность у основания Обиточной косы. По характеру окраски данная особь также приближается к фенотипу *«homeyeri»*. Статус её пребывания не определён.

21 августа 2011 пару взрослых птиц и 2 слётка наблюдали в лесополосе между сёлами Каменское и Львово (Ленинский район, Крым). Местность представляет собой слабо всхолмлённую равнину, занятую полями и степными пастбищами (типчаково-полынные степи с отдельными кустами шиповника и кустарничками караганы степной), пересечённую лентами лесополос. В силу дефицита времени поиск гнезда не проводили. По характеру окраски взрослые птицы соответствуют фенотипу *«homeyeri»*. Приблизительно в том же районе – в 6 км на юго-запад от предыдущего участка, между сёлами Фронтовое и Владиславовка обнаружен ещё один участок серого сорокопута. Кратковременное наблюдение птиц позволило отметить на участке одну

взрослую и одну молодую птицу. Обе особи держались в зарослях кустарниковой растительности у русла Северокрымского канала, проходящего через плоскую равнину, занятую степными и пахотными угодьями. Факт гнездования птиц не установлен.

Следует отметить, что наблюдаемые нами сроки пребывания нераспавшихся выводков совместно с родителями несколько более поздние в сравнении со средними по данным литературы. Как известно из литературных источников, продолжительность гнездового сезона (от откладки яиц до распада выводков) составляет 80 дней: до 17 сут – насиживание, 21 сут – пребывание птенцов в гнезде, 40-50 сут – послегнездовая жизнь выводков на территории родителей, которые продолжают докармливание слётков (Lefranc 1993 – цит. по: Панов 2008; Shon 1994б; Панов 2008). Касательно сроков гнездования, например появления кладок в Восточной Европе, есть такие данные: в Белоруссии – третья декада апреля (Никифоров и др. 1989), в Рязанской области – конец первой – начало второй декады апреля (Иванчев, Котюков 1998). Выводки хорошо летающих молодых в сопровождении взрослых отмечены в Мордовии 27 июля и 15 августа (Панов 2008). Таким образом, в наших случаях, вероятно, откладка яиц имела место в самых последних числах апреля или в начале мая.

Возникает естественный вопрос: не является ли часть наблюдавшихся нами «птиц на гнездовых участках и территориях пар» (например, в Крыму) в действительности относящимися к мигрирующим особям? Однозначного ответа на этот вопрос у нас нет, однако данные детальных исследований биологии вида, имеющиеся в доступной литературе, позволят сделать некоторые заключения.

Первый момент – фенология: сроки миграций, регистраций видимых перемещений птиц. На севере Европы осеннее движение серых сорокопутов к югу начинается во второй половине сентября (Панов 2008). В Ленинградской области пролёт прослеживается в октябре – начале ноября (Мальчевский, Пукинский 1983). В Крыму наиболее ранняя встреча *L. excubitor* – 19 сентября, а регулярные регистрации на миграции и зимовке – с середины октября (Панов 2008). Наши наблюдения в Харьковской области в 2007-2011 годах позволяют говорить о появлении мигрантов в 20-х числах сентября – начале октября. К началу октября первые мигрирующие серые сорокопуты достигают Донецкой и Луганской областей (наши данные).

Второй момент – характер перемещения птиц, а именно, раздельное перемещение к местам зимовки членов конкретной пары и слётков, т.е. каждая особь добирается до места зимовки отдельно от других. Наблюдения, выполненные как на кочующих, так на оседлых группировках серого сорокопута в Германии (Shon 1994а) свидетельствуют в пользу того, что слётки, первыми покинувшие гнездо, раньше отлетают,

чем те, что вылетают позже (и отдельно от последних!). В этой же работе указано, что брачные партнёры отдельно друг от друга покидают гнездовые участки и места их зимовки разделены даже у особей оседлых группировок (Shon 1994a). Ни в одной из известных нам публикаций (Cramp, Perrins 1993; Shon 1994a; Панов 2008) не упоминаются случаи совместных миграций и кочёвок семей к местам зимовки, при которых выводки перемещались бы полным составом и в сопровождении докармливающих их родителей.

Автор искренне благодарен А.С.Влащенко за материально-техническое содействие в проведении данного исследования, а В.А.Паевскому и В.М. Лоскоту – за помощь в определении подвидовой принадлежности птиц и ценные советы при обсуждении полученного материала и подготовке рукописи к печати.

Литература

Гавриленко Н.И. 1929. *Птицы Полтавщины*. Полтава: 1-133.

Зубаровський В.М. 1977. *Фауна України. Т. 5. Птахи*. Київ: 1-331.

Иванчев В.П., Котюков Ю.В. 1998. Численность, распространение и некоторые черты биологии серого сорокопута в юго-восточной Мещере // *Редкие виды птиц Нечерноземного центра России*. М.: 194-201.

Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., **2**: 1-504.

Никифоров М.Е., Яминский Б.В., Шкляров Л.П. 1989. *Птицы Белоруссии: Справочник-определитель гнёзд и яиц*. Минск: 1-479.

Панов Е.Н. 2008. *Сорокопуты мировой фауны (экология, поведение, эволюция)*. М.: 1-650.

Фесенко Г.В., Бокотей А.А. 2002. *Птахи фауни України: Польовий визначник*. Київ: 1-413.

Cramp S., Perrins C.M. (eds.) 1993. Family Laniidae, Shrikes // *Handbook of the Birds of Europe, the Middle East and North Africa*. Oxford Univ. Press, **7**: 433-522.

Lefranc N. 1993. *Les pies-grieches d`Europe, d`Afrique du nord et du Moyen-Orient*. Paris: 1-240.

Shon M. 1994a. Kennzeichen des Raubwurger – Lebensraumes *(Lanius excubitor excubitor)* im Gebiet der sudwestlichen Schwabischen Alp: Lahreszeitliche Nutzung und Revier-Grosse, Struktur-Merkmale und Veranderungen und Bewirtschaftung // *Okol. Vögel*. **16**, 1: 253-496.

Shon M. 1994б. Bestandschdichte und entwicklung, Geschlechts, Altersverteilung und Gruppen-Bildung in einer Raubwurger-Population *(Lanius e. excubitor)* in Gebiet der sudwestlichen Schwabischen Alp // *Okol. Vögel*. **16**, 1: 219-252.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск **751**: 947-948*

Материалы по экологии камышевок *Acrocephalus schoenobaenus* и *A. arundinaceus* в Харьковской области

А.С.Надточий

*Второе издание. Первая публикация в 1991**

В 1988-1990 годах в Харькове и в трёх районах области проводили исследование по сравнительной экологии многочисленных видов рода *Acrocephalus*: камышевки-барсучка *A. schoenobaenus* и дроздовидной камышевки *A. arundinaceus*.

Камышевка-барсучок отличается большой эвритопностью. В благоприятных гнездовых стациях плотность её населения составляет 10-15 пар/га, расстояние между гнёздами – 8-20 м. В Харьковской области барсучок – бицикличный вид. Гнездовой период длится 3-3.5 месяца. Прилетают барсучки во второй-третьей декаде апреля, первые их песни слышали 15 апреля 1989, 19 апреля 1990. На гнездовой территории самцы имеют 3-6 пунктов-присад, на которых они активно токуют. В антропогенных ландшафтах в качестве присад барсучки часто используют провода ЛЭП. Проведён хронометраж интенсивности вокализации на всех фазах гнездового цикла. Рекламирующая песня с токовым полётом характерна только для холостых самцов и выполняет функцию привлечения самок. Холостые самцы поют круглосуточно. Данные интенсивности пения 2 самцов: 1247 и 1362 песни с общей продолжительностью пения 9 ч 12 мин и 9 ч 47 мин; ночное пение составляет 25-30% суточной вокализации; максимальная продолжительность рекламирующей песни – 2 мин 45 с. После образования пары, в период гнездостроения, интенсивность вокализации снижается до 30-40%, сокращается длина песен. Во время выкармливания птенцов пение прекращается и возобновляется к началу вторых кладок. Наиболее ранние сроки постройки гнезда – 2 мая 1989, 5 мая 1990. Массовое гнездостроение и откладка яиц происходят во второй-третьей декадах мая. Вылет птенцов из первых кладок до середины июня, наиболее ранний – 3 июня 1989. Второй пик гнездостроения и откладки яиц приходится на третью декаду июня – первую декаду июля. Постройка гнёзд отмечена 23, 26 июня, 2, 5, 9 июля 1989, 20, 28 июня 1990. Рекламирующее пение самцов слышно до середины июля. Самый поздний вылет птенцов второго выводка отмечен 6 августа 1989. Выбором места для гнезда

* Надточий А.С. 1991. Материалы по экологии камышевок в Харьковской области // *Материалы 10-й Всесоюз. орнитол. конф.* Минск, **2**, 2: 105-106.

и его постройкой у барсучка занимается самка; самец сопровождает её в поисках строительного материала и при его транспортировке к гнезду. Гнездо строится 3-5 дней (n = 6). Располагаются гнезда (n = 18) на высоте 5-78 см над землёй в осоке, на таволге вязолистной, в кустиках ивы среди водно-болотной растительности. На стеблях рогоза широколистного и хвоща речного находилось 6 гнёзд в 30-56 см над водой. Формы, размеры, масса гнёзд сильно варьируют в зависимости от места расположения и строительного материала. В гнездах, построенных в мае, много пуха рогоза (до 50% массы), в июньских и июльских гнездах в качестве наполнителя преобладает ряска и нити зеленых водорослей. В выстилке лотка 4 гнёзд обнаружены шерсть, конский волос, леска, утиные перья и пух. Размеры гнезд (n = 24), см: диаметр гнезда 8.2-10.9, высота гнезда 6.0-11.6, диаметр лотка 4.4-6.7; глубина лотка 3.8-6.3. Масса гнёзд составляла 9.450-24.490 г. Кладка состоит из 4-6 яиц, в одном гнезде было 7 яиц; размеры яиц (n = 24): 16.3-18.7×12.1-14.0 мм.

Дроздовидная камышевка – моноцикличный вид. Гнездовые микростации приурочены к зарослям тростника на водоёмах различного типа. В местах плотного поселения расстояние между соседними гнёздами составляет 15-30 м. Прилетают дроздовидные камышевки в конце апреля – начале мая. Первые песни зарегистрированы 30 апреля 1990. Пение продолжается до середины июля. Холостые самцы поют круглосуточно. Данные хронометража: 4318 песен с общей продолжительностью 9 ч 46 мин; на ночное время приходится 25% суточной вокализации; за 1 ч исполняется от 66 до 278 песен общей продолжительностью 6-36 мин. Начало гнездостроения регламентируется временем отрастания молодых стеблей тростника. Наиболее ранняя постройка гнезда отмечена 17 мая 1990, наиболее поздняя – 28 июня 1989. Преобладающее большинство птиц строит гнёзда в третьей декаде мая – первой декаде июня. Самый ранний вылет птенцов – 16 июня 1990, наиболее поздний – 1 августа 1989. Гнездо строит самка за 3-4 дня (n = 5) из мокрого строительного материала, лоток выстилается сухими метёлками тростника; в 3 гнездах обнаружена леска. Гнёзда укрепляются на 3-7 стеблях тростника на высоте 40-110 см над водой (n = 12) в 1-3 м от кромки берега. Размеры гнёзд, см: диаметр гнезда 8.8-10.5, высота гнезда 8.1-12.9, диаметр лотка 6.0-8.1; глубина лотка 6.1-9.8. В кладке 3-6 яиц. Размеры яиц (n = 52): 21.4-23.8×16.0-16.7 мм. В 5 гнёздах дроздовидной камышевки отмечен паразитизм обыкновенной кукушки *Cuculus canorus*.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск **751**: 949-951*

Гнездование тугайного соловья *Cercotrichas galactotes* в национальном парке «Алтын-Эмель»

Н.Н.Березовиков

Николай Николаевич Березовиков. Лаборатория орнитологии и герпетологии, Институт зоологии, Министерство образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан.
E-mail: berezovikov_n@mail.ru

Поступила в редакцию 11 апреля 2011

Северо-восточная часть ареала тугайного соловья *Cercotrichas galactotes familiaris* (Ménétries, 1832) в Казахстане в XX веке ограничивалась пустынными районами Южного Прибалхашья между низовьями рек Или и Каратал (Шнитников 1949; Корелов 1970; Гаврилов 1999). При этом довольно узкой полосой вдоль реки Чу и прилегающей пустыни Бетпак-Дала этот вид был распространён до северного подножия Анархая в Чу-Илийских горах, где в 1990-х годах был обычен по безводным каменистым руслам речек, поросших курчавкой, тамариксом и саксаулом, тянущихся с северного склона Анархая в пустынную равнину Жусандала между посёлками Каншенгель и Аксуек (Березовиков и др. 1999). По всей видимости, северные шлейфы Чу-Илийских гор заселены тугайным соловьём недавно, так как в 1950-1960-х годах его здесь не находили, на что особо указывал М.Н.Корелов (1970). По южной кромке соседних песков Таукум известны майские и июньские нахождения поющих самцов, но сам факт гнездования так и остался не подтверждённым находками гнёзд (Березовиков и др. 1999). В дельте реки Или в 1954-1964 годах *C. galactotes* не находили (Грачёв 1973), однако выше по течению реки в окрестностях посёлка Баканас 29 июня и 24 июля 1950 встречены слётки, а 2 августа – плохо летающий птенец (Корелов 1972).

Есть все основания считать, что у тугайного соловья происходит расширение ареала на восток и северо-восток в пределах пустынной зоны, о чём свидетельствует его нахождение в июне 2006 года в Алакольской котловине у западной оконечности озера Сасыкколь (Березовиков, Шмыгалев 2007). Расселился он и вверх по долине Или, но этот факт до сих остаётся практически не освещённым в литературе. Так, 25 августа 1995 он наблюдался мной в левобережной части этой реки на побережье Капчагайского водохранилища в зарослях тамариксов в низовьях реки Тургень. На противоположном берегу этого водохранилища, в западных отрогах Джунгарского Алатау, пару тугайных соловьёв впервые наблюдал Ю.Н.Грачёв 28 мая 1975 в нижней части ущелья Кызылаус в ксерофитных горах Чулак.

В последующие 3 десятилетия поющие самцы тугайного соловья ещё несколько раз отмечались орнитологами в этих местах. Его гнездование здесь до последнего времени считалось возможным, но не доказанным (Березовиков, Белялов 2006). В нижней части ущелья Кызылаус 25 июня 2011 В.Л.Казенас сфотографировал короткохвостого птенца тугайного соловья (см. рисунок), державшегося у каменистого подножия склона горы, поросшего куртинами спиреи, рядом с руслом ручья. При этом наблюдалось его кормление прямокрылыми.

Молодой тугайный соловей *Cercotrichas galactotes* в ущелье Кызыл-Аус.
25 июня 2011. Фото В.Л.Казенаса

Таким образом, тугайного соловья можно считать гнездящимся в среднем течении реки Или и в прилегающих западных отрогах Джунгарского Алатау в современных границах национального парка «Алтын-Эмель». Исходя из описанной находки можно предполагать, что в настоящее время тугайный соловей уже расселился по всей пустынной долине Или вплоть до границы Казахстана и Китая.

Литература

Березовиков Н.Н., Белялов О.В. 2006. Гнездовая фауна птиц национального парка «Алтын-Эмель» // *Рус. орнитол. журн.* **15** (336): 1051-1067.

Березовиков Н.Н., Шмыгалёв С.С. 2007. Нахождение тугайного соловья *Cercotrichas galactotes* в Алакольской котловине // *Рус. орнитол. журн.* **16** (390): 1631-1632.

Березовиков Н.Н., Губин Б.М., Ерохов С.Н., Карпов Ф.Ф., Коваленко А.В. 1999. Птицы пустыни Таукумы и равнины Жусандала (южное Прибалхашье). Часть 2 // *Рус. орнитол. журн.* **8** (74): 3-24.

Гаврилов Э.И. 1999. *Фауна и распространение птиц Казахстана*. Алматы: 1-198.

Грачёв В.А. 1973. *Орнитофауна дельты реки Или*. Алма-Ата: 1-256 (рукопись диссертации).

Корелов М.Н. 1972. Род Рыжехвостая славка – *Erythropegia* // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **4**: 205-209.

Шнитников В.Н. 1949. *Птицы Семиречья*. М.; Л.: 1-665.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск **751**: 951*

Первое нахождение земляного дрозда *Zoothera dauma* в хребте Токсанбай (Джунгарский Алатау)

А.Б.Жданко

Второе издание. Первая публикация в 2002[*]

В южной части Джунгарского Алатау на хребте Токсанбай (горная система Боро-Хоро), в 60 км севернее города Жаркент, в пойме реки Усек на высоте 1700 м над уровнем моря 22-24 августа 1998 мной встречен и сфотографирован земляной дрозд *Zoothera dauma*. Ранее в этом хребте и в целом в южной части Джунгарского Алатау этот вид не регистрировался.

[*] Жданко А.Б. 2002. Земляной дрозд *Zoothera dauma* // *Каз. орнитол. бюл. 2002:* 112.